

Свежестью первозданности, далью давно забытого и утерянного времени веет от поэтических страниц Александра Красоткина, поэта и фотохудожника, рождённого с обострённым чувством Природы и её красоты. Стихи его могли бы показаться вневременными, но это если прочесть одно или два отдельно взятых стихотворения, но если читать их во множестве, то становится явной отнесённость к традициям русской литературы дореволюционного времени, в которой была и цвела тенденция – живописать и передавать Природу, из неё черпать вдохновение.

Если есть в стихотворениях А. Красоткина философия, то это подспудная философия Природы, то есть её длящийся временной *континуум*, её неспешная, как русская равнина, длительность. Его Природа будто говорит своим дыханием – как сказал наш поэт – «...О вѣчной подлинной свободѣ, / Что недоступна для людей». Вот это чувство духовного, обрётённого свыше, придаёт силу подлинности избранным стихотворениям и избранным строкам поэта.

Многие стихи Александр Красоткин не лишены живой эмоциональности, но они *не погружают* во глубину души такого автора, в ком глухо и мрачно рокочут фаустовские бездны чувств. Это не стародавняя европейская байроническая романтика. Выбор Александра – созерцать Природу, как Творение Божие. И Творение это вполне самодостаточно, оно совершенно уже тем, что величаво и мирно дышит под небом.

По большей части спокойная, даже негромкая поэзия, оснащена особой естественностью, а порой даже дрёмной вкрадчивостью, в которой окрашенные чувством художника картины *проявляются* строками и тогда рождаются образцы традиционной русской лирики.

Иной раз даже кажется, что строчки на глазах исчезают, растворяются под ровным и нежарким

солнечным светом или проявляются в мерцании зимней вьюжной дороги. Раздумчив и углублён взгляд и благородно сдержанны переживания.

Красоткин действительно обладает, как он сам пишет, «сердцем чутким», которым он «полюбил навеки» свою Русь – «Ея безкрайнихъ далей тихий свѣтъ / И хрупкимъ льдомъ покрывшіея рѣки...». И он вместе с тополями – «оплачет горько солнечное лѣто». Его ветер, плача «под сурдинку», в слезах тоскует о весне. Так возникает спонтанный, жизненно оправданный антропоморфизм образов поэта, когда силам природы, растениям придаётся человеческое звучание, человеческий голос. И возникает стройная напевность строк.

На острие чувства проходят у него во многих стихотворениях смены времён года, особенно переход осени в зиму. Показательно в этом отношении, среди многих, стихотворение «Ушла за горизонтъ полночная звѣзда» Но и в зиме поэт находит свою прелесть, своё поэтичное, чуть печальное очарование. Вот строки из стихотворения «Зимний день»:

*...Подъ мяскимъ снѣжнымъ покрываломъ
Сномъ одинокимъ спитъ ковчегъ,
Въ закатномъ свѣтѣ нѣжно-аломъ
Мерцаетъ древній монастырь.*

*Все въ мѣрѣ дремлетъ, лишь летаетъ
Надъ дальнимъ озеромъ метель,
И вѣтеръ, какъ дитя, качаетъ
Природы спящей колыбель.*

В пейзажной лирике поэта есть черты простого, безыскусного изящества, которое возникает и без принятой в современной русской поэзии метафорической густой насыщенности и неожиданных смысловых поворотов, затемнённых, непроявленных смыслов, которыми стал

литературно богат XXI век. А. Красоткин, напротив, по мысли своей, лирически выраженной, по-старинному вполне определённый, конкретен, реалистичен. Ни неосимволические, ни тем более эгофутуристические черты ему не свойственны...

В своём интервью известному российскому журналу «Фома», данном в 2013 году, Александр Красоткин, говоря о своих литературных вкусах, прежде всего назвал имена Бунина, Шмелёва, Зайцева... Простую, прямую соотносённость с Природой мы видим именно у Ивана Бунина – например в стихотворениях «Осень», «Первый снег», «Октябрьский рассвет»... Но по духу поэзия Красоткина нам кажется, близка своими мотивами и природным чутьем к прочувствованным творениям поэта К.Р., великого князя Константина Романова, внука императора Николая I, на стихи которого народ русский, даже не зная имени автора, слагал песни... Оба поэта – прирождённые лирики, несшие в звуке своей лиры шепот Природы... Они оба – душою устремлены в небо, в которое смотрят золотые купола и кресты православных церквей. Недаром в том же интервью «Фоме» А. Красоткин сказал: «Всё в этом мире имеет Божественную природу, но среди этого Красота, увиденная и выраженная в искусстве, занимает особое место. Через красоту мира, запечатленную художниками, мы познаем красоту духовную, возвышенную, ту, что в христианской литературе называется добротолубием...». Эта цитата взята нами из высказывания, посвящённого художественной авторской фотографии, но она вполне приложима и к поэтическому творчеству, поскольку ни стихи, ни фотографии не являются для А. Красоткина самоцелью – «а лишь средством запечатлеть эту красоту и передать тем, кто способен её оценить». (Журнал «Фома», 2013, октябрь, с. 5).

Стихотворение «Послѣднія настали нынче времена» несёт на себе явные признаки гражданской лирики. Автор в нём с горечью пишет о разделении некогда единого в духе и вере народа, о том, что нынче забыто покаяние, и – «Разладъ, двулчище, зависть правять балъ / Въ душѣ померкнувшей, забывшей Бога...». Да, страшны времена

безверия и богооставленности, когда легко в разделении скользнуть в пропасть гражданской войны, и могут сбыться самые безвозвратные, страшные апокалиптические предсказания...

В стихотворениях А. Красоткина редки отнесения к определённым географическим местам. Но в процитированном нами стихотворении «К родине», где есть образы моста, «сходящие к воде ступени», по двустрочию – «Надъ биржей чайки жалобно кричатъ / Въ лиловой мглѣ небеснаго простора» – позволяет предположить, что тут речь идёт о Петербурге, Петрограде. Тем более, что в сборнике есть и стихотворение «Летний сад». Сам автор постоянно живёт в Москве. Однако для него понятие Родины, России, Руси намного шире, вознесённое, духовнее и ценнее, чем определённая точка на обширной географической карте. Его Родина одновременно и надмирно-идеальна и духовна, и природно-реальна. Она в поэте живёт и из его души рождает прочувствованную живую русскую поэзию, традиционную в лучшем смысле слова, живую лирику!..

Напоследок необходимо сказать ещё об одной несовершенной, причудливой, но благородной черте творчества А. Красоткина. Тексты он пишет и набирает в дореформенной орфографии; той, которая была в ходу в России до 1918 года. Тогда из русского алфавита были исключены несколько букв алфавита, некоторые из которых при употреблении проявляли духовный смысл слов. Вместо исторической основательности настали времена упрощения. По этому поводу поэт сказал: «Для меня это важно. Это не только дань традиции. Это эстетика и глубинное чувство, в котором заключено богатство языка, его сокровенных смыслов и мерцающих оттенков. Я бережно храню в своей библиотеке прижизненные книги русских поэтов, а в новых и новейших изданиях вижу грубую орфографическую усечённость и, как следствие, опрошение и частичную потерю смыслов в изданиях тех же поэтов по „новой“ орфографии. Поэтому я хочу сохранить первозданность нашего языка, нашей словесности даже в правописании...».